

Всеволод Абрамов Шпион всех разведок

К такому выводу пришли чекисты, узнав о приключениях русского потомка персидского шаха.

В ряду имён Сиднея Рейли, Александра Парвуса, Энвер-паши, Лоуренса Аравийского и других великих авантюристов XX века имя Бориса Леонидовича Тагеева не числится: не тот уровень и не тот масштаб личности. Но нам, простым людям, жизнь этого почти неизвестного деятеля показывает, до каких глубин падения готовы опуститься люди, одержимые жадой успеха, зачастую довольно скромного...

В конце марта 1904 года в поезде Красного Креста, который возглавлял доктор Е. С. Боткин, на русско-японскую войну ехал Борис Леонидович Тагеев, корреспондент учёного отдела Главного штаба. На душе у него было радостно: ближайшее будущее сулило приключения, опасности, риск, новые публикации в прессе и славу военного журналиста. Некоторую известность в этом качестве Тагеев уже снискал во время Памирских походов русских войск в 1892 году, в которых лично участвовал в качестве рядового солдата. К весне 1904 года он написал уже семь книг о Средней Азии и Афганистане, из которых три были чисто художественные. Печатался Борис Леонидович, как правило, под звучным псевдонимом «Рустам Бек».

В Персии и Турции бек означает «повелевающий», а на Кавказе ещё к тому же указывает на принадлежность к мусульманской элите. Дед нашего героя родился в Персии от одной из многочисленных жён шаха, звали его Бакир ибн Мухаммед Тахки. Его привезли в Петербург, окрестили по православному обряду и дали фамилию Тагеев. Так в столице появилась новая семья, которая дала России немало способных инженеров, учёных, врачей, литераторов.

Сам Борис Леонидович Тагеев в силу своего общительного характера быстро оброс друзьями и знакомыми. Среди них были даже великие князья, чем он ловко пользовался. Редакторы столичных изданий знали, что смелые мысли и суждения Рустам Бека о политике той или иной страны в значительной мере мнение высшего руководства. Авторитет молодого журналиста резко возрос в глазах общественности после того, как он по заданию русской разведки совершил нелегальную поездку в Афганистан, а затем красочно описал всё это в одной из своих книг.

Приехав в Маньчжурию, Тагеев нередко хаживал в разведывательные рейды, рассказы о которых публиковались в газетах. 1 июня 1904 года Рустам Бек участвовал в известном сражении под Вафаньгоу под командованием генерала Самсонова. Вот что он писал об этом бое: «Я помню Самсонова на белом коне, отдававшего спокойно приказы под градом рвущихся шрапнелей. Я был ранен в ногу во время атаки „лавой“».

После победного завершения битвы Самсонов положил меня в своё штабе и оставался со мною до тех пор, пока санитары меня не унесли. Через несколько дней Самсонов также был ранен, так что из госпиталя мы выписались вместе».

Так ли всё было на самом деле, мы не знаем. Но по документам Борис Леонидович в этом сражении действительно получил ранение и некоторое время лежал в госпитале.

Вскоре генерал-адмирал Алексеев направляет Тагеева в Порт-Артур.

Здесь он выполняет обязанности офицера связи. Алексеев, внебрачный сын Александра II и главнокомандующий Русской Армии и Флота на Дальнем Востоке, хорошо знал нашего героя, иначе не дал бы ему такого ответственного поручения. Порт-Артур был уже окружён, и прорваться в него предстояло морем.

Рустам Беку повезло: быстроходный миноносец «Лейтенант Бураков», выйдя из Инкоу, 20 июня сумел скрытно проникнуть в Порт-Артурский укреплённый район. Этим же рейсом сюда прибыл мичман Колчак, будущий адмирал и вождь белого движения.

В Порт-Артуре Тагеев пробыл больше месяца. Здесь он много писал, близко сошёлся с

командующим генералом Стесселем. 8 июня Борис Леонидович покинул крепость. Ему поручили вывезти секретные документы. На пристань в бухте Голубиная приехал командующий военно-морскими силами Порт-Артура контр-адмирал Витгоф. Самоуверенность и восточная внешность Тагеева ему не понравились, и он не стал отправлять с ним свою часть бумаг. Вскоре после выхода в море китайская джонка, на которой пытался уйти Рустам Бек, была захвачена японцами, и журналист с двумя спутниками попал в плен.

Тагеев содержался в лагере Мацуями.

Японцы к пленным относились вполне цивилизованно. Русских кормили местной пищей, но вполне сносно; хорошо было организовано медицинское обслуживание; почти все офицеры содержались в комнатах по одному. Через Красный Крест можно было вести переписку с родными, получать от них денежные переводы. Поэтому в средствах Борис Леонидович не нуждался. В России одна за одной выходили его книги, гонорары от которых незамедлительно направлялись автору. Местным жителям лагерь военнопленных приносил немалый доход. Вокруг него расположились торговые точки, мастерские, увеселительные заведения с гейшами. Журналист Рустам Бек не сидел без дела. Он записывал рассказы и воспоминания своих товарищей и уже в 1906 году опубликовал в Харбине книгу «Гибель славного „Рюрика“».

Летом 1905 года с разрешения японских властей под видом помощи пленным в лагере появились агитаторы, которые вели революционную антирусскую пропаганду. Среди них особенно выделялся народник Судзиловский. Он родился в Белоруссии, учился в России, участвовал в антиправительственной деятельности, эмигрировал в США. Поселившись на Гавайских островах, он стал известен как доктор Руссель.

Пользовался высоким авторитетом как врач и политический деятель, за что был избран Председателем сената Гавайских островов. В 1905 году он со своими американскими друзьями организовал «Комитет помощи русским пленным» и стал издавать для них еженедельник «Япония и Россия». Во время посещения лагеря Мацуями Руссель познакомился с Тагеевым, которого очень заинтересовала судьба Судзиловского. Вскоре вокруг Рустама Бека образовался кружок молодых офицеров, на его заседаниях время от времени и выступал Руссель.

Однако организация была далека от революционных действий. Их только обсуждали. В целом, как говбрят документы, революционная пропаганда на пленных офицеров особого влияния не оказала. Этого нельзя сказать о солдатах и матросах. В их среде она получила благоприятную почву.

После подписания Портсмутского мира русские военнопленные начали возвращаться на родину. Одним из первых из Мацуями во Владивосток прибыл Тагеев. 9 ноября 1905 года он отправился в С.-Петербург. Железной дороги через Хабаровск тогда ещё не было, поэтому Борис Леонидович ехал через Харбин, но здесь застрял из-за начавшейся всеобщей забастовки. Тут наш герой встретил старых и новых друзей: железнодорожного инженера и писателя Н. Е. Гарина-Михайловского, журналиста А. П. Попова, коммерсанта И. С. Фриде, чиновника Л. В. Деандре.

После известного царского Манифеста от 17 октября Харбин напоминал встревоженный улей. Создавались и активно действовали партийные организации всех направлений, шли митинги, съезды, собрания. Не осталась в стороне от всего этого и армия. Военное начальство не запрещало, но и не поддерживало такого рода деятельность. Пьянящее чувство свободы охватило многих, в том числе и Тагеева.

Он активно сотрудничал с демократической местной прессой. В статьях резко критиковал казнокрадство и хамство чиновников, защищал местных китайцев, поднимал международные проблемы. Борис Леонидович мечтает о большом путешествии в Монголию и славе Пржевальского и Козлова. Между тем революционная вакханалия в России заканчивается. 6 марта 1906 года по суду расстреляны лейтенант Шмидт и его товарищи. Ещё раньше — 3 февраля — во Владивостоке за революционную агитацию в плену осуждён

один из героев обороны Порт-Артура штабс-капитан Булгаков. 2 мая в Харбине 8 лет каторги получил журналист Ровенский. Литературно-публицистическая деятельность Рустам Бека многим не нравилась, в середине 1906 года по доносу его арестовали, но А. П. Попов помог ему бежать. С этого момента Тагеев переходил на нелегальное положение, скрываясь у Фриде, а затем у Гарина-Михайловского. Побег из-под стражи автоматически причислил Бориса Леонидовича к революционерам.

Сейчас-то мы знаем: у охраны ничего серьёзного против него не было, разве только недолгая связь с Судзиловским.

Тем не менее жизнь нашего героя круто изменилась. Он решил бежать в Японию. В своём персональном вагоне Н. Е. Гарин-Михайловский отправил Тагеева во Владивосток с фальшивым паспортом на имя техника Малицкого. По поручению Гарина инженер Лаврентьев устроил Рустам Бека на пароход в Японию. Борис Леонидович рассчитывал на помощь Русселя, который издавал в Нагасаки газету «Воля» эсеровского направления, но эта надежда была напрасной. В Японии в это время начался огромный наплыв туристов из России.

Стало модно побывать в этой стране.

Сюда ехали купцы, военные, писатели, журналисты... Центром туризма стал город Нагасаки, где даже вывески писались по-русски. Здесь с Тагеевым произошла романтическая история. Он влюбился в жену капитана 1 — го ранга Е. М. Погорельского — Марию Николаевну Белую. Порвав с мужем, она ушла к красивому молодому писателю, и с этого момента финансовое положение нашего героя резко ухудшилось.

Скоро нужда заставила Тагеева переехать в Гонконг, где он при помощи журналиста-англичанина, знакомого ему по Маньчжурии, устроился корреспондентом англоязычной газеты «Гонконг-ЧайМэль».

Писал Борис Леонидович не только для своего издания, но и для газет США.

Поправив материальное положение, он вместе с женой переехал во Францию — в Ниццу. Здесь Тагеев за свой счёт выпустил две книги: «Панама русского флота» (1908) и «Корень зла. Царские опричники на Дальнем Востоке» (1909).

В них до предела заострены российские проблемы. Порой кажется, что их писал не сотрудник Главного штаба, а революционер-большевик. «Панама русского флота» перекликается с ленинской статьёй «Падение Порт-Артура» и заканчивается словами: «Очнулась Великая Россия, и страшна будет её расправа с сонмом негодяев, поставивших свою измученную, истерзанную произволом страну на край гибели».

В 1909 году Рустам Бек с семьёй переехал в городок Тонан в провинции Савойя. Здесь на берегу Женевского озера против Лозанны он жил в деревенской тиши до 1912 года. Но в творчестве у него наступил серьёзный кризис, сопровождавшийся разрывом с женой — Мария Николаевна возвратилась в Россию. Борис же Леонидович увлёкся новым родом деятельности — стал бизнесменом. Зарабатывая себе на жизнь продажей электрических медицинских приборов, он разъезжал по всей Европе, пока в Берлине его не застало сараевское убийство 1914 года.

Почувствовав, что это начало большой войны, он поспешил в Лондон. Вскоре Рустам Бек принёс в газету «Дейли экспресс» статью о стратегии России в начавшемся конфликте. Она понравилась главному редактору Блюменфельду. Статья сразу же пошла в набор, а Борису Леонидовичу предложили штатную должность военного обозревателя. Более того, наш герой по совету лорда Китчнера, будущего британского военного министра, вступил добровольцем в батальон журналистов Британского волонтерского корпуса, где Тагеева избрали вице-председателем с присвоением чина подполковника. И подразделение, и должности в нём были, конечно, чисто декоративные; это такое патриотическое шоу для газет.

Сохранилось пять фотографий смотра батальона. На одной из них среди других британских писателей можно узнать Конан Дойля, тоже записавшегося добровольцем в армию. Всемирно известный создатель Шерлока Холмса служил под началом ныне неведомого миру Бориса Тагеева.

Благодаря полученной должности и своему природному обаянию, Рустам Бек сразу же вошёл в высшие военнополитические круги Англии. Все революционные мысли и неприязнь к царскому режиму сразу же улетучились из его головы. На английском языке он издал две книги: о русской авиации и о русской армии (главным образом о казачьих войсках). В них Борис Леонидович весьма похвально отзывался о царе и великих князьях.

После войны Тагеев переехал в США.

Ему давно нравилась эта индустриальная страна и её люди. Здесь он работал в газетном синдикате Э. Маршалла, который был другом Генри Форда. Автомобильный король, читая статьи Рустама Бека, очень интересовался Россией, в которой видел огромный рынок сбыта для своих машин. Миллионер пригласил Бориса Леонидовича в своё имение под Детройтом, возил его по заводам. Примерно в это же время в США начала работать советская миссия Л. К. Мартенса, которая со временем должна была преобразоваться в посольство. В июне 1919 года Тагеев познакомился с Мартенсом и, получив от него предложение сотрудничать, горячо взялся за новое дело. Сначала он стал корреспондентом еженедельника «Советская Россия» при миссии, а потом и его редактором. Скоро Рустам Бек числился уже военным экспертом, а затем включился в переговоры с американскими фирмами о подписании экономических и торговых договоров. Одновременно он вербовал инженеров, техников и других специалистов для работы в РСФСР, встречался с писателями, политическими и религиозными деятелями левого направления. Из опубликованных им статей видно: в этот период взгляды Тагеева почти утопические.

Русская революция, утверждал он, откроет небывалые возможности в социальном и техническом плане. Громадные самолёты будут перевозить миллионы людей и тонны грузов. Через Берингов пролив построят тоннель, по которому поезда пойдут из Москвы в Америку. Все народы забудут о войнах, на Земле наступит подлинный Рай.

В конце 1920 года правительство США отказалось признать Советскую Россию и прикрыло миссию Мартенса.

Её руководители вынуждены были покинуть США, волей-неволей пришлось возвращаться на родину и Борису Леонидовичу. 17 февраля 1921 года он прибыл в Петроград, встретивший блудного сына холодом, голодом и тифом. Вскоре, не выдержав тяжести русской жизни, уехала домой подруга Тагеева француженка Рошон. Но Рустам Бек удержался в седле. Он работал в журнале «Огонёк», в «Рабочей газете», в «Гудке»... С 1926-го по 1934 год он написал девять книг, изданных немалыми тиражами и принёсших автору немалые средства. Сочинения эти были сильно политизированы и полны критического яда в адрес буржуазного общества, что в устах автора звучало довольно фальшиво. В художественных произведениях Тагеева главными героями были вожди угнетённых, революционно настроенные рабочие и вообще представители прогрессивных классов.

Читая эти книги, испытываешь стеснение и стыд за талантливое литератора.

Конец деятельности престарелого писателя положил арест в 1937 году. 4 января 1938 года он был расстрелян как японский, английский, американский, французский и итальянский шпион. И разве биография Рустама Бека не давала следователю советских времён оснований для такого заключения?